

Б. П. Полевой

ЕЩЕ РАЗ О КАМЕНСКОМ-ДЛУЖИКЕ

В 1973 г. были опубликованы две новые работы о «Dyaryusz» Адама Каменского-Длужика (XVII в.) — самом раннем из дошедших до нас сочинений на польском языке о народах Сибири¹. В начале 1973 года в Минске вышла специальная работа А. Ф. Коршунова², а несколько месяцев спустя новый обзор «Dyaryusz» дал славист А. И. Рогов в докладе «Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в.»³. Появление этих работ можно было бы только приветствовать, если бы не два обстоятельства. Нетрудно убедиться в том, что в статье А. Ф. Коршунова кое-что заимствовано из журнала «Советская этнография» (1965, № 5) и некоторых работ наших польских коллег, однако, без каких-либо ссылок на них. Подобное часто встречается в практике научно-популярных изданий. Но следует ли такие приемы внедрять в чисто научные издания?

Ведь читателю важно знать не только источники, послужившие основой для исследования, но и краткую историографию вопроса, хотя бы для того, чтобы правильнее судить о реальном научном вкладе автора новой работы.

Статья А. И. Рогова носит иной характер: в ней даны некоторые сноски на работы предшественников, но настораживает основной ее вывод (стр. 260) относительно сочинения Каменского-Длужика: «До сих пор, однако, этот драгоценный памятник, если не считать кратких упоминаний о нем или небольших цитат из него, по сути дела не вошел в научный оборот». Наши польские коллеги резонно возразили: правомерен ли этот вывод, если А. И. Рогов в своей статье не упомянул ряд новых польских исследований о «Dyaryusz» А. Каменского-Длужика и даже обошел молчанием хорошо известные в ПНР последние исследования советских историков. Очевидно, упущения А. И. Рогова в какой-то мере являются следствием неудовлетворительной постановки у нас библиографической работы в области общественных наук. И поскольку нам уже не раз приходилось убеждаться в том, что новые работы о А. Каменском-Длужике остались неизвестными даже тем, кому их следовало знать в первую очередь, например, историкам и этнографам Сибири, уместно будет здесь дать краткую информацию о новейших польских и советских работах о А. Каменском-Длужике.

После появления статьи о А. Каменском-Длужике в «Советской этнографии» в 1965 г. (№ 5, стр. 122—129), в Польской Народной Республике заметно возрос интерес к его сочинению. В 1966 г. этнограф Збигнев Ясевич опубликовал статью «Первое польское описание

¹ A. Kamiński-Dłużek, Dyaryusz więzienia moskiewskiego miast i miejsc, «Warta». Książka zbiorowa ofiarowana ksędzu Franciszkowi Bażyńskiemu, proboszczowi przy kościele św. Wojciecha w Poznaniu, na Jubileusz 50-letniego kapłaństwa w dniu 23 kwietnia 1874 g. od jego przyjaciół i wielbicieli, Poznań, 1874, s. 378—388.

² А. Ф. Коршун а ў, Нататкі падарожжа па Сібіры у XVII ст. («Дыярыуш» Адама Каменскага), «Весті Акадэміі навук Беларускай ССР», 1973, № 1, стр. 101—109.

³ «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 259—262.

Сибири»⁴. В том же году ряд высказываний Каменского-Длужика использовал филолог Станислав Калужинский в своей статье «Польские исследования якутов и их, культуры»⁵. В 1967 г. о труде Каменского-Длужика писал известный вроцлавский этнограф Антони Кучинский в обстоятельной статье «Вклад поляков в изучение народов Сибири и их культуры»⁶. Еще более подробно рассказал А. Кучинский об этом же в 1968 г.⁷ в специальной статье «Первое польское донесение о народах Сибири». Сочинению Каменского-Длужика посвящено около 30 страниц и в большой книге А. Кучинского «Сибирские дороги», изданной во Вроцлаве в 1972 г.⁸. Наконец, обстоятельную статью «Наидревнейшее польское известие о путешествии по Сибири», специально посвященную разбору сочинения Каменского-Длужика, опубликовал в 1969 г. упоминавшийся выше Станислав Калужинский⁹. Уже эти данные ясно показывают, что труд А. Каменского-Длужика прочно вошел в научный оборот.

Изучение «Dyaryusz» продолжается не только в ПНР, но и в СССР. Причем в последнее время (о чем А. И. Рогов, видимо, тоже не знал) были найдены весьма ценные архивные документы XVII в. о пребывании в России Каменского-Длужика. Об этой находке сообщалось в трудах первого польско-советского симпозиума «История русско-польских контактов в области геологии и географии», состоявшегося в Варшаве в 1969 г.¹⁰. А в 1973 г. во Вроцлаве во время первой конференции «История польско-русских контактов в области этнографии (Изучение этнографии Сибири)» было оглашено краткое сообщение о результатах дальнейших поисков в советских архивах¹¹.

Нам представляется целесообразным и в этом сообщении хотя бы сжато охарактеризовать найденные в архивах документы XVII в. о пребывании Адама Каменского-Длужика в России.

Среди документов Сибирского приказа 1658 г. удалось выявить следующую запись: «Генваря в 25 по памяти из Розряду за приписью дьяка Василия Брехова посланы в Сибирь литовские люди ызменники шлякта Гришка Каменской, Янко и Мишка Ждановичи, которые взяты у Могилева и посланы ис полку боярина и воеводы князя Юрия Алексеевича Долгорукова и товарищи и по государеву службу в какую годятся и поверстать их государевым жалованьем, деньгами и хлебом и солью по рассмотрению против иных таких же кому они в версту»¹².

Нетрудно убедиться в том, что здесь «Григорием Каменским» назван Адам Каменский-Длужик. Ведь в его сочинении указано, что в начале 1658 г. он был отправлен в Сибирь вместе со своими земляками Яном и

⁴ Zb. Jasięwicz, Pierwszy polski opis Syberii, «Poznaj Świat», 1966, № 3, s. 33—35.

⁵ St. Kałużynski, Polskie badania nad Jakutami i ich kulturą, «Szkice z Dziejów Polskiej Orientalistyki», t. 2, 1966, s. 172—173.

⁶ A. Kuczyński, Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii i ich kulturą, «Lud», t. LI, cz. II, Wrocław, s. 509—513.

⁷ A. Kuczyński, Pierwsza polska relacja o ludach Syberii, «Etnografia Polska», t. XII, Wrocław, 1968, s. 173—182.

⁸ A. Kuczyński, Syberyjskie szlaki, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1972, s. 68—70, 75, 106, 116—119, 124, 128—141.

⁹ St. Kałużynski, Najstarsza polska relacja z wędrówek po Syberii, «Szkice z Dziejów Polskiej Orientalistyki», t. 5, 1969, s. 67—82.

¹⁰ «Польско-советский симпозиум „История русско-польских контактов в области геологии и географии. Тезисы докладов (29 сентября—1 октября 1969 г., г. Варшава)». М., 1969, стр. 50—53; «Polsko-Radzieckie Sympozjum „Historia-rosyjsko-polskich kontaktów w dziedzinie geologii i geografii, Streszczenia referatów“», Warszawa, 1969 (Wydawnictwo powielone), s. 54—57. В сборнике, изданном во Вроцлаве в 1972 г. под тем же названием, на страницах 275—282 дано первое подробное сообщение об этой находке.

¹¹ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii. Konferencja naukowa — streszczenia referatów 19—20 września 1973 roku we Wrocławiu», 1973.

¹² Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Сибирского приказа, ст. 577, л. 59.

Михаилом Ждановичами¹³. Так стало очевидным, что в русских документах XVII в. Адам превратился в Григория («Гришку»), и это значительно облегчило дальнейший поиск документов о его поездке по Сибири. В Тобольск Каменский-Длужик смог попасть лишь 26 марта 1661 г. Здесь ему назначили годовое жалованье в «6 рублей денег, хлеба по 6 четей ржи, 2 чети овса и два пуда соли»¹⁴. Вскоре его отправили на восток. Зимой 1661—1662 гг. Каменский-Длужик провел в Енисейске¹⁵. 30 мая 1662 г. сын боярский Василий Кольчугин повел группу, в которую входил Каменский-Длужик, вверх по Енисею и Ангаре («Верхней Тунгуске») ¹⁶. В конце июня они дошли до Идимского острога, воеводой которого был Т. А. Вындомский — упомянутый Каменским-Длужиком «Тихон Андреевич», поляк по происхождению¹⁷. И лишь 16 августа 1662 г. Каменский-Длужик смог добраться до Якутска¹⁸. Здесь ему повысили годовую оклад до «8 рублей денег, хлеба 7 чети ржи, 6 чети овса и два пуда соли»¹⁹. Видимо, это было связано с его отправкой в дальнюю «двухгоднюю службу». Судя по сочинению Каменского-Длужика, он смог тогда побывать в Жиганах и потом, вероятнее всего, попал на реку Охоту («Ламу») ²⁰. Каменский-Длужик сообщал, что во время этого похода погибли его товарищи Томаш Шелковский и Криштоф Салтан²¹, а по окладным книгам Якутского острога выяснилось, что указанные лица погибли на реке Охоте²². С конца 1664 г. до весны 1668 г. «Гришка» Каменский уже безвыездно жил в Якутске, где он длительное время исполнял обязанности «дворского» (надзирателя) при местной тюрьме²³. Этот факт он счел нужным скрыть в своем сочинении. Каменский-Длужик предпочел выдать себя за участника необыкновенного плавания: из Жиган к Ледовитому океану на Индигирку и оттуда вокруг северо-восточной оконечности Азии... до Амура²⁴. Очевидно, он придумал эту версию под влиянием рассказов бывалых русских землепроходцев-мореходов. Поэтому неудивительно, что «чукчи» у него оказались на Амуре, а гиляки (нивхи) превратились в ездоков на медведях. Каменский утверждал, что он побывал на Амуре в 1659 г.²⁵ Но мы уже знаем, что на самом деле в это время он находился даже западнее Оби. В 1659 г. в низовьях Амура побывала группа Артемия Петриловского (племянника Ярофея Хабарова). Пережив много трудностей, участники ее после ряда приключений смогли в начале 60-х годов XVII в. вернуться в Якутск. Вполне возможно, что Каменский-Длужик воспользовался рассказом какого-то спутника Петриловского и спутал амурских дочер («чючар», «жучер» и т. д.) с чукчами.

Сведения о плаваниях в арктических водах дошли до Каменского от мореплавателей, вернувшихся в Якутск с севера. Документально установлено, что в 1666 г. Каменский-Длужик был лично знаком с Семеном Дежневым и Михаилом Стадухиным²⁶. Дежнев первым установил, что «Большой каменный нос» (Чукотский полуостров)²⁷ далеко простира-

¹³ А. Каміе́нскі-Длу́жук, Указ. раб., стр. 378—379.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы (далее — фонд ЯПИ), оп. 3 (1661 г.), № 47, л. 14.

¹⁵ Там же, л. 23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. Каміе́нскі-Длу́жук, Указ. раб., стр. 385.

¹⁸ ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, № 666, лл. 180—182.

¹⁹ ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 3, 1662, № 47, л. 18.

²⁰ А. Каміе́нскі-Длу́жук, Указ. раб., стр. 387.

²¹ Там же, стр. 388.

²² ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, № 666, л. 371.

²³ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich...», 1972, s. 279.

²⁴ Там же, стр. 276—277; А. Каміе́нскі-Длу́жук, Указ. раб., стр. 388.

²⁵ А. Каміе́нскі-Длу́жук, Указ. раб., стр. 388.

²⁶ «Historia kontaktów polsko-rosyjskich...», 1972, s. 281.

²⁷ Под «Большим каменным носом» Дежнев имел в виду не один мыс Дежнева, а весь Чукотский полуостров (от залива Креста на юго-западе). См. об этом: Б. П. Полевой, О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г., «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1965, № 2, стр. 102—110.

ется в море и обойти его можно только морем, а Стадучин впервые собрал сведения о втором «Носе» — между Анадырем и Пенжиной²⁸. Таким образом, именно в 60-х годах XVII в. стало впервые достоверно известно, что от Лены до Амура существует водный путь.

На родину А. Каменский-Длужик вернулся лишь в начале 70-х годов, и, следовательно, его замечательный «*Dyaryusz*» был создан уже после его приезда.

Новые подробности биографии А. Каменского-Длужика позволяют внести существенные уточнения в существующую о нем литературу.

Прежде всего выяснилось, что А. Каменский-Длужик провел в Сибири не четыре года, а около 10 лет. И умер он отнюдь не 29 января 1667 г., как утверждали многие авторы²⁹, а гораздо позже. Оказалось, что кто-то из ранних исследователей спутал Адама Каменского-Длужика с автором другого польского сочинения о Сибири — иезуитом Анджеем Кавечинским, который действительно умер 29 января 1667 г. в Несвиже³⁰. Адам Каменский-Длужик жил не в Несвиже, а в Орше³¹. Поэтому мы не можем не согласиться с мнением В. П. Грицкевича, который на Втором советско-польском симпозиуме по истории русско-польских контактов в области истории, геологии и географии, проходившем в Ленинграде в июне 1972 г., справедливо заметил, что Белоруссия может гордиться тем, что на ее территории было создано самое раннее из дошедших до нас сочинений о Сибири на польском языке.

Г. М. Василевич считала, что в сочинении А. Каменского-Длужика приводятся самые ранние этнографические данные об ангарских эвенках³². Она датировала эти сведения 1659—1660 гг. Теперь очевидно, что Каменский-Длужик мог наблюдать жизнь этой группы эвенков в первый раз в июне 1662 г., а во второй раз — летом 1668 г.

Этнограф А. Кучинский был прав, когда критиковал выводы З. Ясевича, который поверил Каменскому-Длужнику и изобразил на своей картосхеме его «гипотетичное плавание» по морям от Лены до Амура вокруг Чукотки и Камчатки³³. Но картосхема А. Кучинского и в ее восточной части нуждается в уточнении: в те времена русские еще не использовали Учюр для походов к Охотскому морю и далее к устью Амура, да и вряд ли Каменский-Длужик был у устья Амура.

Таким образом, с 1965 г. изучение первого польского этнографического описания Сибири значительно продвинулось вперед. Оно прочно вошло в научный оборот как советских, так и польских исследователей, особенно этнографов. Теперь уже вполне очевидно, что Каменский-Длужик был весьма точен, когда описывал то, что видел собственными глазами. Все его ошибки при описании других народов объяснялись тем, что он о них рассказывал с чужих слов. Но даже эти известия Каменского-Длужика по-своему любопытны, и вдумчивый интерпретатор может сделать из них полезные для науки выводы.

В богатейших советских архивах, особенно в Центральном государственном архиве древних актов, несомненно, будут еще обнаружены новые документы о пребывании Каменского-Длужика в Сибири. Поэтому архивные изыскания необходимо продолжить. В связи с этим

²⁸ «*Historia kontaktów polsko-rosyjskich...*», 1972, s. 281.

²⁹ Т. Турковский, *Dłuzyk Kamieński*, Adam, «*Polski Słownik Biograficzny*», т. V/2, zeszyt 22, Krakow, 1939—1946, s. 200; Zb. Jasiewicz, Указ. раб., стр. 34; St. Kałuziński, *Pierwsza polska relacja...*, s. 69; А. Ф. Коршунаў, Указ. раб., стр. 102.

³⁰ С. В. Натонский, *Kawieczynski* (Kawaczynski, Kaweczynski), Andzej, «*Polski Słownik Biograficzny*», т. XII/2, zeszyt 53, Wrocław — Warszawa — Krakow, 1966, s. 249.

³¹ См. С. А. Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII века, М., 1903 (Приложение V «О лицах, сосланных в Тобольск за 1654—1662 гг.»), стр. 70.

³² Г. М. Василевич, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), Л., 1969, стр. 13.

³³ Z. Jasiewicz, Указ. раб., стр. 33; А. Кучуński, *Pierwsza polska relacja...*, s. 176; ег о же, *Syberyjskie szlaki...*, s. 135.

хочу поблагодарить большого знатока архивных документов XVII в. В. А. Александрова за присылку мне значительного списка дел, в которых вполне могут оказаться новые, пока еще нам неизвестные документы о Каменском-Длужике. Особенно важно окончательно установить, где находился А. Каменский-Длужик с осени 1662 до осени 1664 г. Опыт подсказывает, что такие данные можно найти или в ЦГАДА, или в Якутских актах архива Ленинградского отделения Института истории СССР. Пока найдено около 30 документов, о пребывании Каменского-Длужика в России. В настоящем кратком обзоре ссылки даны лишь на часть из них.

В заключение хочу выразить свою благодарность известному польскому этнографу Антони Кучинскому за приглашение опубликовать более подробный обзор архивных находок о Каменском-Длужике в сборнике трудов состоявшейся 19—20 сентября 1973 г. во Вроцлаве первой конференции по теме «История польско-русских контактов в области этнографии (изучение этнографии Сибири)».
